

УДК 159.923

Психологические особенности религиозной личности, влияющие на реабилитационную работу с больными, страдающими психическими расстройствами

Psychological peculiarities of the religious personality, which influence on rehabilitation work for mentally disordered individuals

Двойнин А. М.

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва

Dvoinin A. M.

Moscow City University, Moscow

50

Обоснование. Проявления религиозности у психически больных следует рассматривать как «преломление» некоторых общих особенностей, свойственных верующим, относящимся к психической норме.

Цель — описать общие психологические особенности религиозной личности, значимые для процесса реабилитации психически больных.

Материал и методы. В сравнительном аспекте рассмотрены проблемы религиозности психически больных с относительно нормативными религиозными проявлениями и лиц с психической патологией на религиозной почве. Религиозность рассматривается как мера актуализации психологически реальных взаимоотношений личности с трансцендентным Сущим в контексте ее персонального мифа, конструируемого совместно с другими людьми.

Результаты. Представлены некоторые психологические особенности религиозной личности: двойственность репрезентаций реальности в сознании, наличие духовного уровня смысловых образований, двойственность самосознания, в котором сочетаются божественные и мирские смыслы и ценностные ориентации. Стремление найти поддержку и утешение является доминирующим мотивом обращения к религии у верующих вне зависимости от типа их религиозности. Рассмотрены черты здоровой и патологической религиозной веры, описаны основные формы проявления религиозной веры личности в общении, познании, деятельности.

Вывод. Для успешной психосоциальной реабилитации психически больных с религиозным мировоззрением необходимо учитывать общие психологические особенности религиозной личности.

Ключевые слова: религиозность, личность, психологические особенности, психические расстройства, психосоциальная реабилитация

Background. Religious manifestations of mentally disordered individuals seem to be regarded as some «refracted» common peculiarities of mentally normal believers.

The objective was to describe general psychological features of religious personality significant for rehabilitation of mental patients.

Material and methods. Some psychological peculiarities of the religious personality are regarded compared with normal manifestations of religiosity from those patients whose mental disorder is grounded in religion. The article defines religiosity as an extent of the actualization of person's psychologically real relationship with transcendent Supreme Being.

Results. Some psychological peculiarities of the religious personality are presented, such as: the dual representations of reality in a consciousness, the presence of the spiritual level of meaning structures, the duality of self-awareness that combines divine and worldly meanings and value orientations. Shown that the dominant motivation of religious conversion is person's seeking the support and consolation in various types of religiosity. The main forms of religiosity are described concerning the communication, cognition, activity.

Conclusion. It is important for the rehabilitation process (in methodical aspect) to distinguish mentally disordered individuals having relationally normal manifestations of religiosity from those patients whose mental disorder is grounded in religion.

Keywords: religiosity, personality, psychological peculiarities, mental disorders, psychosocial rehabilitation

РЕЛИГИОЗНОСТЬ — ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ?

Одним из условий успешной психосоциальной реабилитации психически больных с религиозным мировоззрением является учет *общих* психологических особенностей религиозной личности. Несмотря на то что реальные проявления религиозности у лиц с пси-

хическими расстройствами могут быть специфичными, данные проявления необходимо рассматривать как «преломление» некоторых общих особенностей и закономерностей, свойственных верующим, относящимся к психической норме.

Прежде всего следует принять во внимание, что столь популярное и широко используемое в психологической практике и исследованиях понятие религиозности весьма

условно, а также трудно поддается определению. Многочисленные исследования религиозности, ее типов, структурных компонентов свидетельствуют о том, что данный конструкт используется чаще всего в качестве *оценочной категории*, позволяющей (в соответствии с теорией социальной идентичности Г. Тэшфела — Дж. Тернера) категоризировать социальных индивидов, а также служить инструментом маркировки их идентичности.

При таком подходе «религиозность» как некая психическая реальность не существует вовсе, поскольку является лишь оценочной конструкцией. А поскольку категория религиозности к тому же конфессионально специфична, неудивительно, что в нынешних мультикультурных и поликонфессиональных сообществах она просто перестает «работать» — верующих с четкой конфессиональной идентичностью становится все меньше. Как верно заметила Д. Эрвье-Леже, современный человек «...строит свой духовный и религиозный микромир из калейдоскопа разбросанных повсюду элементов, почти всегда вырванных из того символического синтаксиса, который позволил бы их адекватно “прочитать”» [1]. Эта проблема кризиса категории религиозности проявляется в фиксации таких феноменов, как «бриколаж» [1], «религиозность без принадлежности» [2, 3], «лоскутная религиозность» [4], «православный атеизм» и пр.

Отечественный социолог М.Ю. Смирнов предлагает в методологических целях отказаться от конструкта «религиозность» в принципе [5]. Подобным же образом американский психолог D.M. Wulff ставит вопрос о возможном отказе от употребления понятий веры (belief) и неверия (unbelief) при работе с верующими [6].

Признавая справедливость такой постановки вопроса, мы считаем, что психологам следует (где это возможно) пользоваться более емкими и точными категориями, нежели «религиозность». Тогда данный конструкт естественным образом либо выйдет из употребления, либо начнет обозначать некоторую психологическую реальность, например мотивы, смыслы или отношения верующего, вместо того, чтобы быть оценочной категорией.

Однако, поскольку данный процесс не одномоментен, в рамках своего дискурса, наряду с такими понятиями, как «религиозная вера», «религиозный опыт» и др., мы пользуемся понятием «религиозность», наделяя его определенным психологическим смыслом с методологической позиции социального конструктивизма.

С этой позиции религиозность *понимается нами как мера актуализации психологически реальных взаимоотношений личности с трансцендентным Сущим в контексте ее персонального мифа, конструируемого совместно с другими людьми*. При этом данные отношения выражают сущность того, что можно назвать «религиозной верой» личности*. Подобная трактовка создает концептуальные возможности для работы с психологическими отношениями больных, страдающих психически-

ми расстройствами, в процессе их реабилитации. Важно подчеркнуть также, что *персональный миф* представляет собой связанные в целостность и подчиняющиеся некой общей идее глобальные репрезентации — интерпретационные схемы/модели мира, в который включена сама личность. И можно полагать, что психосоциальная реабилитация больного вне его собственного персонального мифа вряд ли будет успешной.

Для реабилитационного процесса в методическом плане необходимо различать (в самом общем смысле) психически больных с относительно нормативными проявлениями религиозности и лиц с психической патологией на религиозной почве. В первом случае так называемая «религиозность» может служить определенным личностным ресурсом, опора на который в процессе психосоциальной реабилитации может существенно повысить конечный успех реабилитационных воздействий. Во втором случае сами религиозные проявления должны являться мишенью коррекционной работы, будучи на правах симптомокомплекса включены «...в структуру синдрома — систему высшего порядка, определяющуюся не только качеством, но и тяжестью расстройства психической деятельности» [8].

Религиозная личность является центром сложно сплетенных и подчас разнонаправленных тенденций — религиозных, секулярных, общечеловеческих. Сочетание этих тенденций определяет психологические особенности религиозной личности, многие из которых влияют на реабилитационную работу с больными, страдающими психическими расстройствами.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

Фундаментальной психологической особенностью религиозной личности является *двойственность репрезентаций реальности* в ее сознании. По сути, в сознании верующего происходит удвоение реальности. Первой реальностью видится мир «земной», человеческий, тварный; он конечен и изменчив. Вторая реальность по своей природе сверхъестественна; она трансцендентна по отношению к «земному» миру, Божественна, совершенна, непреходяща, обладает свойствами бесконечности, тотальности и постоянства. Таким образом, жизнь верующего, протекающая в «земном» мире, включается в соотношение со сверхъестественной, трансцендентной реальностью, преобразуя отношения к «земному» миру. При этом трансцендентная реальность, как отмечает Е.Т. Смирнова, обладает следующими особенностями: воспринимается как *«совершенно иное»* по отношению к личности и как обладающее спасательной сверхзначимостью, то есть как более *«высокое»* [9].

Очевидность Божественной реальности для верующего наполняет его сознание специфическими рели-

* Используя категорию «отношение», мы опираемся на концепцию А.Ф. Лазурского — В.Н. Мясищева, согласно которой психологические отношения личности представляют собой «...целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» [7]. Религиозная вера является диалогическим отношением или, другими словами, носит характер взаимоотношений.

гиозными смыслами, которые сочетаются со смыслами нерелигиозными и находятся во взаимном влиянии. Смысловые образования могут при этом центрироваться на разных уровнях, что возможно увидеть на примере предложенной Б.С. Братусем уровневой схемы отношения человека к человеку [10].

На первом уровне — *эгоцентрическом* — отношение человека к другим людям определяется преимущественно стремлением к собственной выгоде, удобству. Отношение к себе — исключительно как к самоценности, а отношение к другим — потребительское, как к средству достижения собственных целей; смысл другого человека зависит от того, помогает ли этот другой человек личному успеху или нет.

На втором уровне — *группоцентрическом* — человек идентифицирует себя с определенной группой, и его отношение к людям зависит от того, входят ли другие в эту группу или нет. Если входят, то они становятся ценными своей принадлежностью к группе, если не входят, то эти люди оцениваются как незначимые.

Третий уровень — *просоциальный (гуманистический)* — характеризуется собственно нравственным отношением к другим людям. Ценность другого человека определяется не его принадлежностью к конкретной группе, а его равенством в отношении общечеловеческих прав, обязанностей и свобод.

Верующий человек обладает еще одним, четвертым, уровнем ценностно-смысловой сферы — *духовным (эсхатологическим)*. На этом уровне человек осознает себя и другого не только конечными, смертными существами, но и существами особого рода, связанными с духовным миром. Это достигается, как пишет Б.С. Братусь, через установления субъективных отношений человека с Богом, личной формулы связи с Ним [10].

Отметим, что данная схема носит нормативный характер. У реального верующего сосуществуют смысловые образования разного уровня, и они по-разному проявляются при регуляции поведения.

Наше исследование [11] показывает, что даже в своей развитой форме религиозное сознание (и самосознание) также не является цельным и непротиворечивым, несмотря на то, что сам верующий может не замечать противоречий. Л.В. Густова также отмечает слабую интегрированность определенных уровней психики верующих [12]. Сознание и самосознание верующего сочетают в себе разнонаправленные значения и ценностно-смысловые ориентации: религиозные, мирские, общечеловеческие и др. Религиозная ценностно-смысловая ориентация у верующего может занимать как подчиненное место, так и ведущее. В ее контексте *субъективная значимость и смысл явлений действительности определяется их сопричастностью сверхъестественной реальности и соотносительностью с Божественными целями и законами мироздания*. При этом субъективная значимость и смысл явлений действительности определяется в континууме категорий «Божественное—мирское».

Ранее нами установлено, что в ситуациях фрустрации, направленных на депривацию самосознания, у верующих наряду с религиозной актуализируется общечеловеческая (мирская) ценностно-смысловая ориентация, а также проявляются соответствующие им шаблоны социального поведения. Актуализация тех или иных ориентаций и шаблонов зависит от:

- того, какую систему жизненных отношений (религиозную или мирскую) моделирует ситуация общения верующего с социальным окружением;
- конкретного депривирующего персонажа (например, священник, взрослый, верующий или неверующий сверстник), вербальное поведение которого фрустрирует верующего;
- устойчивости внутренней позиции верующего.

Другими словами, единое по структуре самосознание религиозной личности в функциональном плане представляет собой два относительно самостоятельных самосознания, «пересекающихся» друг с другом, подобно кругам Эйлера (религиозное и мирское), дифференцированно участвующих в регуляции поведения верующего [11]. В данном исследовании также установлено, что вербально выражаемая религиозная ценностно-смысловая ориентация личности прямо не связана со степенью осмысленности личностью собственной жизни.

К особенностям самосознания религиозной личности следует отнести его *каноничность* — сохранение в нем в первоначальном и неизменном виде ценностно-смыслового содержания, которое зафиксировано в канонах определенной религии. Данная особенность выявлена у детей и молодых людей православной ориентации [13, 14], а также у мусульман и свидетелей Иеговы [15]. Каноничность самосознания, с одной стороны, связана с устойчивостью религиозных убеждений верующего, а с другой — делает самосознание верующего ригидным, слабо поддающимся коррекционным воздействиям.

Невозможно обойти вниманием тот факт, что доминирующим мотивом обращения к религии у верующих является стремление найти поддержку и утешение. В наших совместных с Г.И. Даниловой исследованиях [16, 17] данная мотивация выявлена как у православных, так и у мусульман вне зависимости от типа их религиозности*. При этом важно отметить, что наряду с четырьмя широко известными типами религиозности по Г. Олпорту [18] в наших исследованиях значительное количество испытуемых (от 34 до 62,5% в различных исследованиях) православной и исламской конфессий невозможно было отнести ни к одному из этих типов. Таким образом, выделился новый тип религиозности, объединяющий данных испытуемых, первоначально обозначенный нами как *смешанный*. Сейчас этот тип условно можно назвать избирательной религиозностью. Он характеризуется (в соответствии с методикой Г. Олпорта) средними показателями по субшкалам внешней и внутренней религиозных ориентаций и может быть описан как выражающий избирательное отношение личности к различным внешним и внутренним аспек-

* Типы религиозности определялись по Г.У. Олпорту [18].

там религии при общей приверженности фундаментальным канонам религии. В целом же психологическая структура религиозности разных типов (в понимании Ю.В. Щербатых с соавт. [19]) у православных и мусульман, проживающих в поликультурной и полиэтнической среде, весьма схожа [16, 17].

Для успешной психосоциальной реабилитации больных, страдающих психическими расстройствами, важно понимать, насколько их религиозная вера носит здоровый или нездоровый характер.

S. Arterburn и J. Felton [20] сформулировали следующие характеристики здоровой религиозной веры. Вера фокусирована на Боге, сопровождается уважением к собственной личности и убеждениям других, осознанием своего несовершенства, происходит из внутренних убеждений и противостоит конформизму; ориентирована на теплые межличностные отношения, базируется на личном опыте богообщения, вера антиномична и не следует принципам «или/или», «они/мы» «все/ничего»; не несет функций защитного механизма, преисполнена благоговения и любви и др.

Те же авторы описывают черты нездоровой, «токсичной» веры, выражающей стремление человека использовать Бога или религию для достижения выгоды, власти, престижа, удовольствия или как компенсацию своей неполноценности. Эти такие черты, как утверждение особых сакральных знаний или возможностей; авторитарность; менталитет по типу «мы против них»; преобладающая мотивация наказания; неадекватное сверхусердие в служении; отрицательные физические и эмоциональные последствия; закрытость коммуникаций и др. Выделяются следующие проявления «токсичной» веры:

- 1) компульсивная религиозная активность — обусловлена чувством вины или желанием обрести особое расположение в глазах Бога;
- 2) лень — представляет собой попытку снятия с себя ответственности — вместо того чтобы действовать самим, люди с данной формой веры молят Бога о чуде;
- 3) самоцентрированность — отсутствие интереса к другим, озабоченность только собственным спасением [20].

Мы также считаем важным учитывать в реабилитационной работе, что религиозная вера как психологически реальные взаимоотношения человека с трансцендентным Сущим по-разному может проявляться в трех основных формах: 1 — в общении; 2 — в познании; 3 — в деятельности.

Общение человека с Богом выражается в форме молитвы, поклонения, медитации. *Познание* осуществляется в форме откровения, созерцания Божественной истины. *Деятельность* человека выступает как служение Богу. Конкретным выражением служения может быть самоограничение в форме аскезы, паломничество, осуществление как культовых действий, так и внекультовых форм социальной активности и др.

Обобщая данный краткий и далеко не полный обзор некоторых психологических особенностей религиозной личности, необходимо сказать, что многие из них носят фундаментальный характер, определяя психический облик человека в целом. Поэтому представляется, что без учета этих особенностей психосоциальная реабилитация психически больных с религиозным мировоззрением будет низкоэффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015;33(1):254–268.
2. Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging (Making Contemporary Britain). Oxford: Blackwell, 1994.
3. Davie G. Europe: the Exceptional Case. Parameters of Faith in the Modern World. London: Darton, Longman and Todd, 2002.
4. Wuthnow R. America and the Challenges of Religious Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2007.
5. Смирнов М.Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015;16(2):145–153.
6. Wulff D.M. Beyond Belief and Unbelief. *Research in the Social Scientific Study of Religion*. 1999;10:1–15.
7. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2003.
8. Пашковский В.Э. Психические расстройства с религиозно-мистическими переживаниями: Краткое руководство для врачей. СПб.: СПбМАПО, 2007.
- Hervieu-Léger D. In search of certainties: The paradoxes of religiosity in societies of high modernity. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2015;33(1):254–268. (In Russ.).
- Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging (Making Contemporary Britain). Oxford: Blackwell, 1994.
- Davie G. Europe: the Exceptional Case. Parameters of Faith in the Modern World. London: Darton, Longman and Todd, 2002.
- Wuthnow R. America and the Challenges of Religious Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- Smirnov M.Yu. Is it possible to abandon the concept of religiosity in the study of religion? *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2015;16(2):145–153. (In Russ.).
- Wulff D.M. Beyond Belief and Unbelief. *Research in the Social Scientific Study of Religion*. 1999;10:1–15.
- Myasishchev V.N. Psikhologiya otnoshenii. M.: MPSI; Voronezh: SPU MODEK, 2003. (In Russ.).
- Pashkovsky V.E. Psikhicheskie rasstroistva s religiozno-misticheskimi perezhivaniyami: Kratkoe rukovodstvo dlya vrachei. SPb.: SPMAPE, 2007. (In Russ.).

9. Смирнова (Дубова) Е.Т. Введение в религиозную психологию. Самара: БАХРАХ-М, 2003.
10. Начала христианской психологии. Отв. ред. Б.С. Братусь. М.: Наука, 1995.
11. Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности: монография. СПб.: Речь, 2011.
12. Густова Л.В. Исследование взаимосвязи между уровнем религиозности и интегративными личностными качествами: дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2015. Доступно по: <http://cdo.mpgu.edu/wp-content/uploads/2014/12/Dissertatsiya-Gustovoy-L.V.pdf>
Ссылка активна на 10.05.2016.
13. Мухина В.С., Васильченко А.А. «Кто Я?», или самоописания личностных свойств. *Развитие личности*. 2006;3:51–60.
14. Перевозникова Е.В. Психологические особенности самосознания подростков из семей православной и атеистической ориентации: дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
15. Храмова К.В. Самосознание современной молодежи с различной религиозной ориентацией: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2004.
16. Двойнин А.М., Данилова Г.И. Этнокультурная среда мегаполиса как условие бытия индивидуальной религиозности современных верующих (на примере г. Москвы). *Вопросы гуманитарных наук*. 2013; 69(6):130–137.
17. Двойнин А.М., Данилова Г.И. Смысло-жизненные ориентации православной и мусульманской молодежи мегаполиса (на примере г. Москвы). *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013;58(11):263–266.
18. Оллпорт Г. Личность в психологии. М.: КПС+; СПб.: Ювента, 1998.
19. Мягков И.Ф., Щербатых Ю.В., Кравцова М.С. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности. *Психологический журнал*. 1996;17(6):119–122.
20. Arterburn S., Felton J. Toxic faith: Experiencing healing from painful spiritual abuse. Colorado Springs: WaterBrook Press, 2004.

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Двойнин Алексей Михайлович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, РФ
E-mail: alexdvoinin@mail.ru

Dvoinin Alexey — PhD, candidate of psychological sciences, associate professor of education psychology chair, Moscow City University, Moscow, RF
E-mail: alexdvoinin@mail.ru